

Андрей ГАНИН,
кандидат исторических наук

УРЯНХАЙСКИЙ ПОХОД БАКИЧА*

Эпопея нескольких тысяч поволжских и уральских добровольцев, крестьян и казаков, совершивших в 1918–1922 годах ряд отчаянных походов от Поволжья до Китая, Монголии и Урянхайского края в составе различных формирований под командованием черногорца по происхождению, генерал-лейтенанта Андрея Степановича Бакича (1878–1922), известна читателям и исследователям уже достаточно хорошо¹. Ветеранов этих походов можно назвать одними из последних участников Белого движения, продолжавших борьбу, пусть и вынужденно, вплоть до конца 1921 года. Заключительный период эпопеи Бакича и его подчинённых связан с историей Урянхайского края. Однако подробности этого похода, его причины и цели по-прежнему остаются не вполне ясными.

Необходимо кратко остановиться на предыстории того, как силы Бакича попали в Урянхай. В результате отступления частей Отдельной Семиреченской армии в Западный Китай (Синьцзян) в марте 1920 года генерал Бакич вместе с подчинённым ему так называемым отрядом атамана Дутова (части бывшей Отдельной Оренбургской армии) был интернирован китайскими властями в лагере на реке Эмиль в районе города Чугучак. При переходе границы отряд в основном сдал оружие, хотя некоторую часть удалось сохранить. Претерпевая лишения, отряд жил в палаточном лагере более года, вплоть до весны 1921-го. 3 марта 1921 года Бакич переименовал свой отряд в Отдельный Оренбургский корпус.

В начале мая 1921 года в район лагеря из Советской России прибыли около 2000 вооружённых сибирских казаков и крестьян-повстанцев из состава «Народной дивизии» подхорунжего С. Г. Токарева. Прибытие большой вооружённой группы лиц на китайскую территорию обеспокоило местные власти. Концентрацией крупных антибольшевистских вооружённых формирований вблизи границы были обеспокоены и власти Советской России.

В итоге 17 мая 1921 года между военным губернатором Тарбагатайского округа Синьцзянской провинции Китая и

Штабс-капитан А. С. Бакич. Варшава. 1915 г.
Фото предоставлено А. М. Бакичем.
Публикуется впервые.

командованием Туркестанского фронта было заключено соглашение о вводе частей РККА на китайскую территорию для ликвидации белых и повстанцев. Соглашение это со стороны властей Синьцзяна было предательским по отношению к корпусу Бакича, выполнявшему договорённости с китайцами.

24 мая с территории Семиречья начался ввод частей 2-й стрелковой дивизии, и лагерь на реке Эмиль был занят. Бакич и его подчинённые не стали дожидаться пленения и репрессий и походным порядком с боями ушли на восток. Таким образом, цель операции достигнута не была. В результате на перехват корпуса Бакича были выдвинуты силы 13-й Сибирской кавалерийской дивизии. Отступать под ударами красных и китайцев приходилось по пустынным территориям Джунгарии в тяжелейших условиях, войска и беженцы испытывали голод, встречались случаи каннибализма, погибли, по разным данным, от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. На пути отступающих оказался город Шара-Сумэ, который в начале июля был захвачен и разграблен. В Шара-Сумэ корпус Бакича задержался. Более того, здесь началось политическое оформление русской власти. Шара-Суминский (Алтайский) округ Синьцзянской

провинции был очищен от китайских войск, после чего созван съезд правителей округа, на котором был избран временный правитель округа, которым стал Бейсе Ханафий Мамиев. Установлена связь с партизанским русско-инородческим отрядом есаула А. П. Кайгородова и с белыми отрядами генерала барона Р. Ф. Унгерна фон Штернберга в Монголии. Кроме того, Бакич направил письмо монгольскому правителю Хатам-Батар-Вану с предложением присоединить этот пограничный округ к Монголии. Бакич был провозглашён монгольским князем.

Однако монгольский вариант провалился. 6 июля 1921 года столица Монголии Урга была занята красными монголами, а в ночь на 22 августа был арестован сам Унгерн, вскоре выданный красным. Развитие событий на занятой Бакичем территории обеспокоило и китайские власти. 12 сентября в Чугучаке особополномоченным РВС войск Сибири и уполномоченным генерал-губернатора Синьцзянской провинции был подписан документ, санкционировавший повторный ввод частей РККА на территорию Китая для ликвидации Бакича. Ввод начался ещё до этого, 1 сентября, когда границу перешли части 13-й Сибирской кавалерийской дивизии П. П. Собенникова. Под давлением противника Бакич со своими войсками был вынужден оставить Шара-Суминский округ и двинулся на соединение с Кайгородовым в Западную Монголию.

При оставлении района Шара-Сумэ были получены сведения от Кайгородова о возможности благополучно перезимовать в Урянхайском крае², что объясняет дальнейшие действия Бакича. На принятие решения, безусловно, влияли и сведения, поступавшие от атамана Енисейского казачьего войска И. Г. Казанцева, руководившего Урянхайским отдельным конным отрядом войск Унгерна. 23 августа 1921 года Казанцев писал Бакичу из Кобдо, что Унгерн интересовался Урянхаем и что «Урянхайский край может служить базой для сконцентрирования белых отрядов (о крае подробно доложит Вам командиром мною для связи к Вам атаман урянхайских казаков [О. И.] Сиорпас), почему его необходимо очистить от красных, коих, по последним сведениям, около 1000 человек»³. Отряд Казанцева

*Исследование осуществлено при поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

в дальнейшем действовал совместно с Бакичем. Инспектор артиллерии корпуса генерал Д. Н. Кирхман отметил в своих показаниях, что «решение идти в Урянхай было принято лишь потому, что там были русские посёлки, а Урянхай не считался территорией России»⁴.

В корпусе, естественно, надеялись на возвращение в Россию. К этому времени в подчинении Бакича оставалось около 2250 человек. За время похода в Монголию по горным районам от холода и голода в корпусе погибли до 200 человек, было много обмороженных. В Монголии силы Бакича около полутора месяцев были скованы осадой отряда красных под командованием К. К. Байкалова в монастыре Сарголь-гун и отражением пришедших на выручку отряду Байкалова частей РККА.

Тесное военное сотрудничество Советской России и Монголии, сыгравшее важную роль в создании монгольской армии, началось ещё весной 1921 года⁵. К осени это сотрудничество укрепилось совместным участием войск двух государств в операции против отрядов Унгерна. На повестку дня стал вопрос дипломатического оформления ввода частей РККА в Монголию для полной ликвидации Бакича.

28 октября 1921 года нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин по телеграфу обратился с нотой к министру иностранных дел Монголии: «В ответ на Вашу ноту от 17 октября, заключающую в себе новое предложение: совместными действиями и вводом сов[етских] частей в Зап[адную] Монголию ликвидировать концентрирующиеся там остатки белобанд Унгерна, Бакича, Казанцева, Кайгородова, — имею честь сообщить, что Российское Советское Правительство вполне разделяет те опасения, которые высказываете Вы, гражданин министр, относительно концентрации белобанд в районе Кобдо и Уланкома. В осуществление Вашего предложения и в интересах безопасности границ нашего государства российское советское правительство одновременно с сим приказало своим войскам рука об руку с Народно-Революционной армией Монголии нанести новый сокрушительный удар остаткам нашего общего врага — белобандам генерала Бакича, Казанцева, Кайгородова и других. Вынужденные вновь взяться за оружие, чтобы охранять безопасность своих территорий, жизни и имущества своих граждан от лютых врагов России и Монголии — разбойников и грабителей — белых, — я не сомневаюсь, что наши доблестные армии совместной боевой работой скоро создадут условия мирной жизни, к которым оба наши Правительства и народа настоя-

чиво стремятся, и к возвращению наших войск в пределы России для перехода их на мирное состояние. Примите уверение в совершенном Вам, гражданин министр, почтении. Наркоминдел Чичерин»⁶.

В результате неудачной 44-дневной осады монастыря, в ходе которой Бакич потерял около 400 бойцов убитыми и ранеными⁷, остатки его корпуса отошли на Уланком. 2 ноября на биваке у реки Кобдо был издан приказ по корпусу № 43 о движении в район Уланкома⁸, подразумевавший дальнейшее движение в Урянхайский край.

3 ноября от корпуса откололась и ушла сдаваться красным большая группа численностью в 215 человек во главе с атаманом 2-го военного округа Оренбургского казачьего войска В. Н. Захаровым и корпусным интендантом есаулом И. И. Кокаревым⁹. Дальнейшую судьбу корпуса и свою собственную Бакич, похоже, не представлял и не знал, как поступить дальше. Корпус находился в плохом состоянии, люди оказались загнаны и затравлены бесконечными скитаниями. Тем не менее большая часть генеральского и штаб-офицерского состава корпуса осталась вместе с ним, кроме того, ему верили и готовы были идти за ним до конца около 1000 бойцов и 1200 небоеспособных, включая женщин и детей. Вооружённых оставалось до 600 человек при 2 пулемётах и 2 орудиях, к которым не имелось снарядов. Патронов было крайне мало — не более 10 на винтовку и не более 100 на пулемёт.

Вот, как описывал Урянхайский поход и его причины сам Бакич: «К этому времени ко мне присоединились остатки кайгород[овского] отряда, около 200 человек, являвшихся жителями Урянхайского края во главе с Казанцевым. Последний стал вести агитацию за уход в Урянхай, где за отсутствием регулярных войск и достаточным количеством продовольствия можно вполне спокойно перезимовать и весной заняться полевыми работами. Я под давлением этого согласился и двинулся по направлению Уланком[а], имея намерение пройти в подхребетный район. Не доходя Уланкома, я получил воззвание Байкалова, адресованное мне и Соколинскому с предложением вступить в переговоры, но ввиду того, что многие считали начало переговоров изменой¹⁰ с моей стороны, я пошёл дальше и 8 числа прибыл в Уланком. Прожив здесь дней 6, я узнал о большом количестве партизан и на совещании на реке Торгол[ик] я предложил в Урянхайский край не идти, а пока задержаться на реке Ту около озера Ут, отсюда послать делегатов и разведку, дабы узнать, на каких условиях Урянх[айский]

край нас может принять. Вопреки моему взгляду, мнение остальных было двигаться незамедлительно в Урянхай, где и зимовать. За это движение сильно агитировал отряд Казанцева, который совместно с некоторыми офицерами моего отряда думал по приходе в Урянхай меня арестовать и во главе всех сил поставить кого-либо русских»¹¹.

Начальник штаба корпуса Генерального штаба генерал-майор И. И. Смольнин-Терванд в своих показаниях отмечал: «Движение наше в Урянхай было обусловлено предположением, что он входит в состав Монгол[ьской] территории и что там русских регулярных частей не имеется. Здесь мы думали перезимовать и затем двинуться на восток по монгольской территории. Это движение было вынужденным массой корпуса, желавшей скорее избавиться от трудных условий кочевой жизни. Лично я и Бакич же мыслили от Уланкома двинуться на восток долиной реки Тес»¹². По ещё одному свидетельству, Бакич надеялся перезимовать в Урянхайском крае, добыть там хлеба, а далее действовать на красноярском направлении¹³.

Итак, Бакич выступил на Уланком с целью пробиться в Урянхайский край и там перезимовать, после чего идти на Дальний Восток¹⁴, где ещё держались белые. По некоторым данным, генерал-майор Р. П. Степанов, полковники С. И. Костров, Т. О. Савельев и Шапошников разочаровались в дальнейшей борьбе и были готовы сдать красным вместе со всеми казаками при гарантиях личной безопасности — некоем «письме» от красного командования¹⁵. Эти сведения войсковой старшина Захаров и есаул Кокарев, сдавшись, передали советскому командованию. Письма для старших офицеров корпуса Бакича были подготовлены и отправлены с монголами для разложения тех, кто ещё стремился продолжать борьбу¹⁶.

11–15 ноября 1921 года Бакич с отрядом прибыл в район Уланкома и расположился там лагерем. Поскольку дальнейшее движение было сопряжено с немалыми трудностями и неопределённостью, сил для продолжения борьбы почти не было, а дисциплина упала, среди представителей командного состава корпуса прошло обсуждение дальнейших действий. Командир 2-го Оренбургского казачьего полка генерал-майор А. С. Шеметов 27 ноября доносил Бакичу о собрании в полку: «Собранные мною командиры сотен полка по поводу решения вопроса о направлении нашего движения высказались так:

1. Принимая во внимание настроение людей, их одежду и конский состав, же-

лательное движение в Урянхайский край кратчайшим путем (на Элегест). Движение по р. Тес страшит большинство остаться на зимовку под открытым небом при отсутствии местного населения, которое обычно разбегается в стороны от нашего движения. Кроме того, наше движение по р. Тес может вызвать разложение корпуса. Так, например, командир 4ой сотни войск[овой] старш[ина] Старков мне доложил, что он узнал от казаков о том, что в его сотню приезжал один урянхаец и спрашивал казаков, в каком направлении они собираются идти, и при этом добавил, что генерал Бакич хочет вести на Дальний Восток, но мы, урянхайцы, пойдем в Урянхай.

2. В полку около 300 бойцов, на которых можно положиться, что они будут драться с большевиками, но годных к употреблению винтовок всего лишь 45, при малом количестве патронов.

3. Все командиры высказались, что прекратить грабежи и насилия возможно, и меры к этому приняты»¹⁷.

Судя по материалам следственного дела Бакича и его соратников, в период похода делопроизводство в корпусе фак-

тически прекратилось, тогда как документы предыдущего периода сохранились в значительном количестве (в том числе отпечатанные на машинке). Это обстоятельство свидетельствует о постепенном падении дисциплины и организованности.

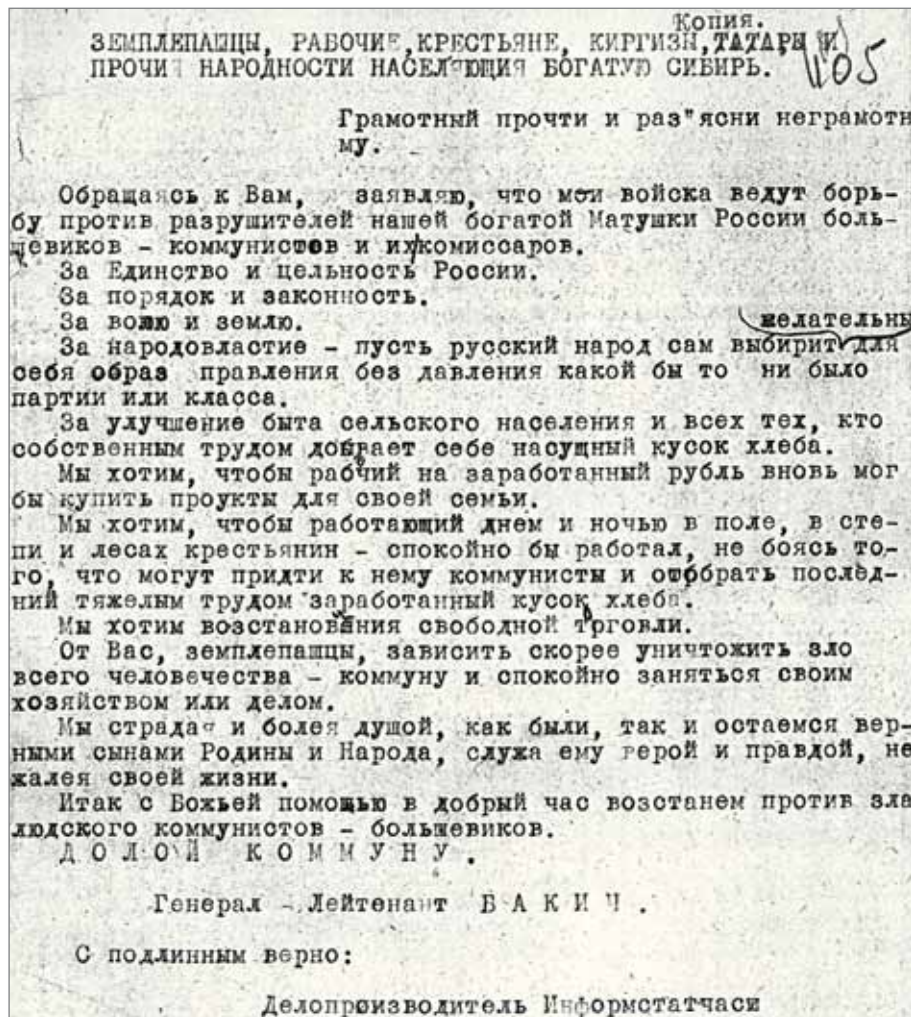
Ситуацией в самом Урянхае Бакич в полной мере не владел. Между тем в регионе ещё в августе 1921 года была образована Тувинская народная республика под покровительством РСФСР. По свидетельству генерала Кирхмана, «войсковой разведки в Урянхай послано не было, всё основывалось лишь на рассказах приехавших к нам в к[орпус] урянхайцев, гл[авным] образом, из отряда есаула Кайгородова. Было сказано, что в Урянхае русских войск нет, есть только местные партизаны, с которыми мы сговоримся и устроимся жить»¹⁸. Перед началом похода было созвано совещание старших начальников, постановившее в бою с красными не вступать, а по возможности завязывать переговоры¹⁹, однако до конкретных шагов, за исключением составления воззвания к партизанам о единении красных, белых и зелёных²⁰, дело не дошло. Контакт

с представителями партизан временно установлено тоже не было, очевидно, белые генералы рассчитывали решить все вопросы на месте. Неудивительно, что неподготовленный Урянхайский поход измученных, отчаявшихся белогвардейцев закончился тяжёлым поражением.

Перевалив через хребет Танну-Ола, корпус по реке Элегест в начале декабря вступил в Урянхайский край. Бакич разделил свои силы на боевую часть, которую возглавил сам, и обоз под командованием генерала А. С. Шеметова. Боевая часть направилась к деревне Атамановка (ныне — село Кочетово) под Белоцарском (ныне — Кызыл). Обоз остался у перевала и без связи с Бакичем. 7–8 декабря при выходе из гор у Атамановки отряд Бакича был встречен местными красными партизанами под командованием 27-летнего Сергея Кочетова²¹ и частями 26-й Златоустовской стрелковой дивизии красных (231-й стрелковый полк). Вместо дружеской встречи и договорённостей, на которые почему-то надеялись белые, их ожидало организованное сопротивление и заранее подготовленная оборона²². Войска Бакича потерпели поражение и едва не были окружены. В бою погиб один из идеологов похода атаман Казанцев²³. Красным досталось 5 пулемётов, орудие системы Маклена, много винтовок и казна корпуса (52 пуда серебра)²⁴. Потери корпуса пленными составили около 300 офицеров и 1200 нижних чинов (некоторые участники похода свидетельствовали, что в Урянхае остались порядка 2000 человек из состава корпуса²⁵, но это, видимо, преувеличение). Существует версия о том, что весь обоз корпуса был захвачен партизанами 12 декабря в устье реки Кендерга²⁶, что противоречит показаниям Бакича, свидетельствовавшего вместе с другими очевидцами о захвате обоза 10 декабря (иногда называли и 11 декабря).

О дальнейших событиях по приходе в Урянхай Бакич показал: «По прибытии в долину реки Элегест разведка донесла, что партизаны и регулярные войска в количестве около 2000 человек расположены в крае. Придя на заимку Огнево, я решил выслать для переговоров делегацию, но мнения разошлись и подавил взгляд двигаться без переговоров, чтобы не было затяжки, которая наблюдалась под Шарасумэ и в дол[ине] реки Кобдо. 8 декабря утром мы подошли к Атамановке, где были встречены регулярными войсками и партизанами, вышедшими нам в тыл из дер[евни] Щек. После ко-

Копия обращения генерала А. С. Бакича к народам Сибири. Август 1921 г. РГВА. Публикуется впервые.

Командный состав 13-й Сибирской кавалерийской дивизии, действовавшей против Бакича. Во втором ряду пятый справа начальник дивизии П. П. Собенников, шестой — военный комиссар Н. А. Евсеев, седьмой — начальник политотдела Ф. И. Карклин. ГАРФ. Публикуется впервые.

роткого боя, в коем мы понесли потери большей частью из казанцевского отряда, даже сам Казанцев погиб в нём, мы отошли на север и вышли на перевал Элегест. 10 декабря к вечеру я подошёл на 10 вёрст к обозу, который уже был захвачен красными, и, не желая создавать панику и резню, отошли к перевалу мимо обоза, не вступая в бой с красными. Я было пытался вновь доказать в силу потери обоза и средств необходимость сдачи, но опять подавило мнение отойти к Монголии, и к 16 декабря мы прибыли в Уланком. Не доходя до него 5 вёрст, отряд был встречен монголскими разведчиками Хатон Батора, огонь по которым я открывать запретил, а выслал разведчиков разведать положение. Ответ был получен, что [в] Уланкоме находятся регулярные монголские войска и что нач[альник] перед[ового] отряда просит кого-либо из офицеров для переговоров. Я выбрал полк[овника] Кострова и после того, как он сообщил, что действительно в Уланкоме регул[ярные] монголские войска совместно с инструктором РСФСР Байбуллиным, я решил вести переговоры о сдаче оружия.

Условия были выработаны след[ующего] содерж[ания]: я сдаю всё оружие, а Монгол[ское] правит[ельство] берёт нас под свое покровительство, и тем, кому по полит[ическим] взглядам нельзя возвратиться в Россию, будет разрешено прозимовать в Монголии, а затем выехать по желанию. Обеспечение продов[ольствием] Монголправит[ельство] берёт на себя в количестве 2 ф[унтов] мяса на человека. Результатом этих переговоров и условий явилась сдача моим отрядом оружия, происходившая 16 и 17 декабря [19]21 года²⁷.

Генерал Шеметов показывал об обстоятельствах пленения обоза: «Не получая сведений от Бакича, я послал разъезд, который не вернулся. От одиночных людей-уряныхцев и генер[ала] Кирхмана я узнал, что Бакич потерпел поражение. Получив эти сведения, я обоз отвёл за

реку и приказал генер[алу] Попову выдвинуть сторожевое охранение, боёв не вести, а стараться завязать переговоры. Я же поехал к обозу для принятия окончат[ельного] решения. Вскоре появились красные партизаны, которые стали нас обстреливать, в обозе получилась паника, и он стал отходить по дороге на перевал. Проводив последнюю колонну, я услышал крик: «Стой, сдавайтесь», и ко мне подъехало несколько партизан во главе с комвзводом. После переговоров и уверения в безопасности я отдал приказ обозу остановиться и двинуться за мной. Вслед за этим я явился к тов. Кочетову, согласно его приказания, обоз привёл в дер. Щек, произвел перепись, назначил старших в каждой партии и разослал, согласно его указаний, по деревням. С последней партией прибыл в Атамановку, где и был допрошен... Все подчинённые мне в обозе люди по моему приказанию сдались добровольно и без сопротивления²⁸. Сдача обоза произошла в 25 верстах от хутора Огнева²⁹.

Сохранился пересказ воспоминаний Кочетова о пленении обоза: «Мы видели, как радовались наши противники,

усталые русские люди, — война для них кончилась и ненавистный им генерал (Бакич. — А. Г.) бросил их. К телеге, где я (Кочетов. — А. Г.) принимал донесения, подошла группа офицеров штаба Бакича, людей немолодых и очень усталых. Старший из них сложил холодное оружие и, отдавая честь, чётко отработал:

— Начальник штаба³⁰ генерал Шеметов...

Я встал, отдал честь и, не узнавая своего голоса, сказал:

— Генерал Шеметов, назначаю вас начальником штаба Урянхайской Красной армии. Ребята, подайте генералу саблю.

Я чуть не прослезился, видя, как задрожали усы, и вздрогнул, сдерживая рыдание, старый солдат³¹. Здесь же в плен сдался и гражданская супруга Бакича Александра Ишимова (Поверяева) — тайный агент Семиреченской ОблЧК. Взятые в плен в Урянхае бакичевцы отправлялись в Красноярск и Иркутск.

блики (с 1924 года) Хатан Батор Максаржава, действовавшего в Западной Монголии. Оказавшись в безвыходном положении, сам Бакич, генералы Смольнин-Терванд, Р. П. Степанов, Д. Н. Кирхман, другие офицеры вместе с остатками корпуса общей численностью около 600–700 человек 30 (17) декабря сдались в плен монголам³⁴.

По вопросу об обстоятельствах пленения Бакича существуют расхождения. Есть версия о том, что отряд черногорца был обманным путем разоружён монголами и взят в плен³⁵. По другим данным, Бакич сдался монголам на условиях сохранения оружия и перехода в монгольское подданство³⁶. Нельзя не упомянуть и о красивой легенде, согласно которой Бакич после разгрома «демонстративно отбросил револьвер и пошёл впереди колонны с большим деревянным крестом в руках... этот по-своему величествен-

ностям, был посажен в тюрьму на правах военнопленного. Заключение оказалось непродолжительным — через сутки пленник был переведён в распоряжение штаба монгольской армии, а 3 февраля 1922 года, как показал на допросе Бакич, «вопреки моим заявлениям и доводам», был передан заместителю представителя НКВД РСФСР в Монголии А. Я. Охтину, который и отправил генерала в Иркутск³⁹.

С целью заполучить пленника Охтин писал председателю Совета министров Монгольского народно-революционного правительства, что «этот бандит Бакич и его сподвижники совершали громадные преступления против Рабоче-крестьянской России. Эти бандиты, начиная с периода окончательной ликвидации колчаковщины, принесли бедствия, мучения и смерть сотням тысячам людей, уничтожали и зверски расправлялись с неповинными мирными жителями, сжигали их дома, разграбили до основания те места, где они проходили»⁴⁰.

Решением Монгольского народно-революционного правительства сдавшиеся генералы и штаб-офицеры были 3 февраля 1922 года выданы на расправу советскому командованию (представитель — командир 308-го Сибирского стрелкового полка 35-й Сибирской стрелковой дивизии П. А. Севастьянов)⁴¹. Под усиленной охраной Бакич и 19 его соратников (в том числе две женщины — супруга и сестра генерала Р. П. Степанова) 23 марта были доставлены в Иркутск в особый отдел Восточно-Сибирского военного округа, а 5 апреля переведены в Новониколаевск, где готовился показательный судебный процесс. Позднее по Чуйскому тракту в Советскую Россию отправили и менее значимых лиц из частей Бакича. Мелкие отряды, отколовшиеся от его корпуса, по крайней мере, до весны 1922 года продолжали действовать в Западной Монголии и в Урянхайском крае⁴².

Накануне отправки в Советскую Россию Бакич написал письмо своей любимой женщине Александре Ишимовой (Поверяевой) и её отцу. В письме отцу гражданской супруги Бакич, подписавшись «Ваш Андро», сожалел о том, что не уехал вместе с Поверяевыми в Россию, когда находился на реке Кобдо⁴³. Письма должны были быть переданы через недавнего противника Бакича Кочетова. В письме Ишимовой Бакич раскрывается ещё с одной стороны — как любящий и заботливый супруг. Он писал (орфография сохранена. — А. Г.): «Добры[й] день, милая и дорогая моя Шура, хотя и не уверен, что ты это письмо получишь — но я всё же пишу, ибо на душе мне легче

НАША СПРАВКА

Генерал И. И. Смольнин-Терванд вёл «Конспект отчёта за период с 14/27 марта 1920 г.», в котором кратко показан маршрут перемещения корпуса во время Урянхайского похода³²:

Ноябрь [1921 года]	30. Перевал	14. Хандагайты
1. Сосредоточение. Вы-	Дек[абрь]	15. Оз. Убса (выезд
движение Казанцева	1–2. Сосредоточение	штаба)
2. Поход на Уланком,	3. Переход на Элегест	16. Речка (штаб в
ночлег у озер.	4. Заимка Огневых	Улан[коме])
3. Намюр	5. В пути к Атамановке	17. Прибытие
4. Ключи	6–7. Остановка вдоль	г[енерала] Степанова
5. Бурюсты	гор и первое наступле-	17–22. Уланком
6. Днёвка	ние, Огнев, Тимошкин,	22. Выезд
7. Сампо — Бейсе	Федул Григорьевич	Янв[арь] 1922
8. Уланком	7–8. Поход и 2 атака	15. Приб[ытие] в Ургу
17. Поход в Урянхай	утром 8-го	(тюрьма)
18. 1 речка	8. Енисей у Баин-кола	16. Перевод в нов[ое]
19. Озеро Убса	9. Горы	помещ[ение]
20. Днёвка Буран	10. Перевал у Куре	20–25. Допрос.
21. Тарголик	Елегест	Февр[аль] 4. Передача
22. Днёвка	11. Перев. Танну-Ола	русскому караулу ³³
23. Нов. Смаяшка (?)	12. Не доходя Тарголика	
28. Поход, ночлег у речки	13. Тарголик	
29. Под перевалом		

Бакич направился к устью реки Элегест и на Баин-Кол, а затем ушёл в верховья Элегеста. Преследуемый частями 26-й дивизии, Бакич попытался прорваться к ущелью Карасуг, но путь был отрезан партизанами, тогда через хребет Западный Танну-Ола он сумел отступить обратно в Монголию, на Кемчик и далее на Уланком.

Вместе с тем Кочетов предупредил монголов о движении Бакича, который был встречен красномонгольскими партизанскими частями будущего военного министра Монгольской народной респу-

ный жест смирения... на фоне снежной монгольской степи отнюдь не кажется театральным»³⁷. Эту версию подтверждает и К. К. Байкалов³⁸.

Несмотря на обстановку, Бакич поверил монголам и сделал ещё один шаг на пути к становившемуся всё более определённым трагическому финалу, уготованному ему и его последним соратникам. Весь командный состав корпуса был отправлен Хатан Батором под конвоем в Ургу, остальные пленные — в Кош-Агач. 15 января 1922 года Бакич прибыл в Ургу, где, вопреки договорён-

станет. О, как тяжело и больно не знать, как живет моя милая тупуся и от неё не получить весточки. Вот уже два месяца как я тебя не вижу — днём и ночью думал и мне мучило то, как ты живешь, что с тобой? Одно утешение только то, что с тобой был папа — конечно я уверен, что он не может меня заменить, но всё же свой родной — я из Уланхома (так в документе. — А. Г.) выехал с 19 челов[еками]. Конечно луч[ше], сказать спроводили, дав конвой 22 декабря 1921 г., прибыл 15 янв[аря] [19]22 г. и нахожусь на г[а]уп[т]вахте со всеми — комнаты светлая и достаточно тёпая, продовольствие хорошее — Если отправлюсь куда-нибудь, я напишу. Сколько здесь пробудем, неизвестно и что будет также неизвестно. Я Бога молил о том, чтобы скорей тебя увидеть и днём и ночью думаю о тебе и как ты живёшь[ь] и как твоё зд[о]ровие. Здесь я встретил старых знакомых по службе до Европейской войны. Получала ли ты письма от меня, где Таиса и Ольга? Напиши мне о всем подробно и о том, как ты живёшь. Со мной Феодор и Стёпа — Гавриил и Михаил здоровы. Мое здоровье ничего, лишь что простудился и кашлил (так в документе — А. Г.) — конечно у меня ничего нет кроме креста на груди, но мне ничего и не нужно, ты одна меня понимала и знала — буду жить надеждой увидеть мою милую тупусу. Привет папе и как и в давние [времена] крепко-крепко мысленно целую мою любимую тупусу. Твой Андро»⁴⁴.

Следствие по делу было начато в конце марта 1922 года особым отделом Восточно-Сибирского военного округа. На допросах Бакич отметил, что не считает эсеров своими врагами и вообще выступает за коалицию эсеров, кадетов, меньшевиков и беспартийных⁴⁵. Именно этого признания и добивалось следствие от политически беспомощного, едва умевшего писать по-русски генерала.

Судебный процесс по делу Бакича прошел 25 мая 1922 года в Новониколевске в здании театра в саду «Сосновка» и находился на особом контроле Сиббюро ЦК РКП(б). Целью процесса была дискредитация в глазах населения самой идеи сопротивления большевикам. На предстоявшее зрелище губкомом всем желающим было продано около 2500 билетов⁴⁶. Всего по делу проходили 17 человек (6 генералов: А. С. Бакич, И. И. Смольнин-Терванд, Р. П. Степанов, А. С. Шеметов, Д. Н. Кирхман, А. С. Колокольцев; 5 полковников: С. И. Костров, Т. О. Савельев, И. З. Сизухин, М. А. Степанов, С. Г. Токарев; 3 подполковника: Г. С. Плынов, М. Т. Евстратов и В. Н. Троицкий; 2 обер-офицера: капитан

А. С. Бакич в советском плену.
Центральный музей Вооружённых Сил.

В. К. Козьминых и корнет М. Н. Шегабетдинов и священник Ф. М. Георгиевский).

В качестве общественного обвинителя выступал известный большевистский оратор Емельян Ярославский, ранее, в сентябре 1921 года, выступавший в той же роли на процессе по делу барона Унгерна. Основной задачей обвинения было связать деятельность Бакича с происками эсеров накануне готовившегося в Москве крупнейшего показательного процесса над партией социалистов-революционеров. «Процессу Бакича придадим широкий политический характер,

свяжем с процессом эсеров»⁴⁷, — телеграфировал Ярославский Сталину 19 мая 1922 года накануне суда.

Процесс открылся 25 мая в 11 часов и продолжался до глубокой ночи. Председательствовал Опарин, членами коллегии были Вележев и Д. Ф. (?) Хроматько, защищал Бакича консультант Новониколаевского губернского отдела юстиции Г. И. Зеленцов⁴⁸. Ярославский связывал работу Бакича с эсеровским сибирским Крестьянским союзом. По окончании процесса он писал: «Дело ген[ерала] Бакича — дело эсеров! Защита эсеров — защита генерала Бакича»⁴⁹. Обвинение акцентировало внимание на том, что в

1921–1922 годах на территории Монголии и Китая якобы образовался единый антибольшевистский фронт Унгерна, Бакича и Кайгородова, поддерживаемый Францией и Японией. Бакичу приписали планы похода на Барнаул и Бийск и далее по Сибирской магистрали.

Адвокат пытался убедить трибунал в том, что Бакича нельзя осудить просто как бандита, так как в рядах его сторонников были меньшевики и эсеры из II и II½ Интернационалов⁵⁰. Подобная тактика защиты значительно облегчила работу обвинения. Тактика поведения Бакича на разыгранном обвинении спектакле не вполне понятна. Он постоянно путался в ответах, сбивался, держался неуверенно⁵¹. У присутствующих складывалось впечатление о нём как о человеке неискрывшем.

Вряд ли пленный генерал мог обмануть советскую власть и вымолить пощаду. В этой ситуации более выигрышным для обвиняемых было либо во всём сознаться, либо показать себя последовательными и непримиримыми противниками большевиков. Но ни того, ни другого не наблюдалось. Упорство в своих убеждениях

проявили только лидеры сибирских повстанцев полковники С. Г. Токарев и И. З. Сизухин (начальник штаба Токарева). Суд совещался около двух часов. Расстрельный приговор Бакичу и ещё 5 офицерам (Смольнину-Терванду, полковникам Токареву и Сизухину, капитану Козьминых и корнету Шегабетдинову)⁵² был вынесен Сибирским отделением военной коллегии Верховного революционного трибунала при Президиуме ВЦИК поздно ночью под гром аплодисментов зрителей, амнистии постановили не применять. В печати от имени всех приговорённых к высшей мере наказания было опубликовано прошение о помиловании, оставшееся без ответа. Смертный приговор в отношении Бакича и его соратников был приведён в исполнение 17 июня 1922 года в 0 часов 30 минут⁵³. Большевики сумели использовать своих последовательных противников как разменную монету в политических играх.

Генералы Шеметов, Степанов и полковник Савельев были осуждены на пять лет заключения с принудительными работами, остальные восемь обвиняемых осуждены условно на три года и освобождены в зале суда. Некоторое

время спустя Кирхман, Костров и Полюнов, вопреки обещаниям, вновь оказались под стражей. Генерал Колокольцев умер в конце 1932 года своей смертью в Оренбурге. Шеметов и Степанов были расстреляны в Новосибирске 20 августа 1933 года. Полюнов фигурировал среди «заговорщиков» в телеграмме о «заговоре» бывших белых офицеров на территории Западной Сибири, подготовленной начальником УНКВД Новосибирской области Г. Ф. Горбачом 10 декабря 1937 года для Н. И. Ежова и переданной 13 декабря Сталину. Последний наложил резолюцию: «Всех бывших офицеров и генералов по записке Горбача нужно расстрелять». Резолюция Ежова гласила: «Исполнено. Послана телеграмма. 16/XII 37. Ежов»⁵⁴. 26 сентября 1937 года в Карелии был расстрелян полковник Т. О. Савельев, а почти одновременно с Полюновым, 17 декабря 1937 года, в городе Боровичи Новгородской области — бывший генерал Кирхман. Судьбы остальных пяти фигурантов процесса Бакича (Георгиевского, Евстратова, Кострова, М. А. Степанова, Троицкого) пока остаются не выясненными.

Примечания

1. Подробнее см.: Ганин А. В. Черногорцы на русской службе: генерал Бакич. М. 2004; Он же. Черногорцы у службы Руси: генерал Бакич. 2 исправлено и допущено издание. Никшић. 2009; Он же. Атаман А. И. Дутов. М. 2006; Он же. Андрия Бакич: черногорский белый генерал//Россия и Черногория: вехи истории. Родина. Российский исторический журнал. Специальный выпуск. М. 2006. С. 80–83; Он же. Черногорский русский генерал Андрия Бакич//Свой. Журнал Никиты Михалкова. 2008. № 7. С. 58–63; Он же. «Я Бога молил о том, чтобы скорей тебя увидеть». Последний роман генерала Бакича в документах//Черногорцы в России. М. 2011. С. 239–268; Ганин А. В., Семёнов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945 гг. М. 2007. К сожалению, мои работы по этой тематике в последние годы подверглись плагиату. Так, из 213 страниц кандидатской диссертации В. В. Марковчина не менее 51 страницы (Марковчин В. В. Деятельность русской военной эмиграции в Северо-Западном Китае: 1920–1926 гг. Дисс. ... к.и.н. Курск. 2010. С. 28–30, 45–47, 92–109, 150–163, 180–192) целиком или, в редких случаях, отдельными абзацами позаимствованы из моей монографии о генерале Бакиче (Ганин А. В. Черногорцы на русской службе: генерал Бакич. М. 2004. С. 3, 99–100, 114–122, 125–129, 131–143, 151, 159–162, 166–169, 171–174).
2. РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 92.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 55 об.
4. ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 37.
5. Kuznetsov I. I. The Soviet Military Advisors in Mongolia 1921–39//The Journal of Slavic Military Studies. 1999. Vol. 12. December. № 4. P. 118–119.
6. Документы внешней политики СССР. Т. 4. 19 марта 1921 г. — 31 декабря 1921 г. М., 1960. С. 448.
7. РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 87 об.

8. ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 87.
9. РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 93.
10. В документе ошибочно — «кизмену».
11. ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 41–41 об.
12. Там же. Д. 136. Л. 10 об. Тес-Хем — река в Монголии и Туве, впадающая в озеро Убусу-Нур.
13. Торновский М. Г. События в Монголии — Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания)//Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны. М. 2004. С. 314.
14. РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 102.
15. Там же. Л. 93.
16. Там же. Л. 98 об.
17. ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 16–16 об.
18. Там же. Д. 136. Л. 37.
19. Там же. Л. 45, 69 об.
20. Там же. Л. 62.
21. Кочетов Сергей Кузьмич (07.11.1894–14.04.1957) — руководитель партизанского движения в Урянхайском крае. Родился в деревне Колдыбай Минусинского уезда Енисейской губернии. Работал учеником слесаря. После вхождения Урянхайского края в состав России (1914) семья переехала в село Атамановка, где Кочетов работал плотником. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. Активный участник установления Советской власти в Урянхайском крае. Владел тувинским языком. Член РКП(б) с апреля 1922. Окончил курсы руководящих работников колхозного строительства при ЦК ВКП(б) (1929–1930). Работал в Таджикской ССР. Позднее работал в Москве, на Урале и на Алтае в горнорудной промышленности. Ранен и контужен в годы Великой Отечественной войны. Демобилизовался в звании майора. Заместитель председателя горисполкома г. Кызыл (с 1945). Депутат Верховного Совета СССР (с 1945). Заслуженный гражданин г. Кызыла. Сотрудник Тувинского областного краеведческого

- музея, зав. отделом истории Тувинской народной республики. Персональный пенсионер. Награды: орден Красного Знамени (Приказ РВРС № 156. 1922), Красной Звезды, Отечественной войны 1-й ст., «Знак Почёта», орден Тувинской народной республики за освобождение республики «от иностранной зависимости и белых банд» (1936). Похоронен в Кызыле. Единственный сын Владимир погиб в 1943. Именем Кочетова названа улица Кызыла и посёлок Кочетово — быв. село Атамановка, где он жил и руководил боевыми действиями против Бакича.
22. Богданов М. А. Разгром белогвардейского корпуса генерала Бакича в 1921 году//Учёные записки. Вопросы истории СССР. Т. 24. Вып. 4. Ульяновск. 1972. С. 175.
23. По другим данным, выдан красными монголами и казнён. См.: Торновский М. Г. Указ. соч. С. 314; Серебренников И. И. Гражданская война в России: Великий отход. М. 2003. С. 162). Также см.: Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побеждённые. Абакан. 2006. С. 384–386.
24. Клевцов В. Разгром белогвардейского корпуса генерала Бакича//Военно-исторический журнал. 1971. № 1. С. 87.
25. ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 37 об.
26. Богданов М. А. Указ. соч. С. 176.
27. ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 41 об.–42.
28. ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 62–62 об.
29. Там же. Л. 69 об.
30. Точкой должности Шеметов не занимал.
31. Ряннель Т. Тувинские рассказы//День и ночь (Красноярск). Литературный журнал. 1998. № 4–5 (http://www.memoial.krsk.ru/memuar/Riannel_T.htm).
32. Часть наименований неразборчива.
33. ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 15–16 об.
34. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сб. док. Новосибирск. 1996.

- С. 315; Шалагинов В. К. Последние. Новосибирск. 1973. С. 63, 65, 138.
35. Белов Е. А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. М. 2003. С. 191; Молоков И. Е. Интернациональная помощь РСФСР и ДВР Монголии и Синцзяну (Китай) в разгроме белогвардейцев в 1920–1922 гг. Омск. 1991. С. 107–108.
36. Байкалов К. К. Воспоминания. Якутск. 1966. С. 62.
37. Юзефович Л. А. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга). М. 1993. С. 171.
38. Байкалов К. К. Указ. соч. С. 62.
39. ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 43, 56.
40. Там же. Л. 51.
41. Молоков И. Е. Указ. соч. С. 108.
42. РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 223. Л. 3–3 об.
43. ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 57 об.
44. Там же. Л. 60–60 об.
45. Там же. Л. 78.
46. Липин В. Уроки суда над Бакичем//Советская Сибирь (Новоиколаевск). 1922. № 115 (765). 27.05. С. 1.
47. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). Подготовковка. Проведение. Итоги. М. 2002. С. 237.
48. Там же. С. 680; Ярославский Ем. Генерал Бакич и эсеры//Правда. 1922. 8 июня. С. 1; ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 140. Л. 24.
49. Ярославский Ем. Указ. соч. С. 1. 50. Там же.
51. ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 140. Л. 144 об., 147, 148 об.; Шалагинов В. К. Указ. соч. С. 67–69, 72–73, 94–95, 111, 119, 125, 128.
52. Таёжный В. Суд над Бакичем и К° (продолжение)//Советская Сибирь (Новоиколаевск). 1922. № 117 (767). 30 мая. С. 3.
53. ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 140. Л. 177.
54. «Актив — кадровые офицеры». Публ. В. Лебедева//Источник. 1994. № 1. С. 103–105. Выражаю благодарность С. Ю. Василенко (Нижний Новгород) за указание данного источника.